

К ИСТОРИИ ЭТНОНИМА ЧУВАШ(-И) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. И. КОТЛЕЕВ

В русской исторической лексикологии считается совершенно бесспорным что этноним чуваш(-и) в русский язык пришел непосредственно из чувашского языка. В частности, М. Фасмер его уверенно возводит к чув [чъваш] 'I, с. 376).^{*} При этом известно, что в русских письменных источниках упоминание этого этнонима появляется очень поздно. Впервые чуваша упоминаются только в самом начале XVI в. в связи с наступлением русского войска на восток против татар, причем этноним дается уже в идентичном современному фонетическом облике. Конечно, вполне возможно, что более ранние упоминания пока еще просто не обнаружены.^{**}

Относительно этимологии собственно чувашского самоназвания существовало несколько предположений. Наиболее известные принадлежат Ф. Коршу~М. Рясянену~Ю. Немету; М. Г. Худякову; Н. И. Ашмарину~В. Г. Егорову~А. П. Ковалевскому (самой последней на эту тему является статья М. Р. Федотова, см. (4, с. 79—82).

Наибольшего доверия заслуживает этимология, ведущая свое начало от Н. И. Ашмарина (5), в соответствии с которой чув. [чъваш] восходит к суаз~суваз, названию одного из племен, входивших в VIII—XII вв. н. э. в состав Волжской Булгарии.^{***}

Существование такого племени и приблизительный фонетический облик его названия установлены по данным восточных авторов (писателей, путешественников-географов того времени). Особо ценными являются данные писателя Ахмеда Ибн-Фадлана, побывавшего в 922 г.

* По предположению М. Фасмера, и этноним черемис(-ы) восходит к чув. [с'армьс], об этом см. также (2, с. 142).

** Позднее упоминание этнонима чуваша, конечно, не означает, что самого народа до XVI в. не существовало. Возражая против неправильной расшифровки этнонима черемисы в некоторых исторических работах, В. Д. Димитриев на большом фактическом материале доказал, что в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII вв. „черемисами назывались не одни маришцы, но и чуваша (иногда также удмурты)“ (3, с. 118). При этом если учесть, что этноним черемисы в русских источниках появляется еще с Начальной летописи, можно полагать, что смешение чувашей с маришцами началось значительно раньше XVI в.

*** В данной статье примеры из русского, чувашского и других тюркских языков даны в основном в орфографическом написании. Предлагаемые случаи транскрипционного написания основаны на русском (славянском) алфавите, как это принято в Чувашии.

в Волжской Булгарии в качестве секретаря посольства багдадского халифа к царю волжских булгар и подробно описавшего свое путешествие (6).

Однако Ибн-Фадлан писал на арабском языке и, естественно, передавал не все гласные иноязычных слов. В частности, в интересующем нас этнониме: су а з ~ су в а з он не обозначил гласный первого слога, поэтому его написание [сван] и написание [свар] у других восточных авторов (название города от названия того же племени) можно читать со всеми возможными в арабском языке огласовками (с у в а н ~ с у в а р, с и в а н ~ с и в а р и т. д.), с учетом возможной ошибки переписчиков допустимо и чтение су а н ~ су а р. Что касается разных конечных согласных, то, по мнению А. П. Ковалевского, в варианте написания (н) мы имеем дело с ошибкой переписчиков, делавших в более поздние времена копии с оригинала и заменивших (з) на (н), а в варианте написания (р) следует усматривать диалектное произношение одного и того же слова параллельно с вариантом на (э), см. (6, с. 18—22, 24—28).

Тем не менее на основе косвенных данных, в частности данных современного чувашского языка, ученые пытались доказать обязательность чтения этого этнонима с специфически чувашским редуцированным гласным [ъ] и с серединным (интервокальным) согласным [—в—]: с [ъ в] а з (7; 6, с. 26—28). Думается, что для такого вывода данных современного чувашского языка явно недостаточно, хотя, как будет видно из нашего дальнейшего изложения, мы не возражаем против такого чтения, но нужны дополнительные данные. В частности, малоубедительна ссылка на название развалин древнего города Су-в а р а, которое окрестным чувашам было известно с давних пор в виде С [ъ] в а р ~ С [ъ] в а р ~ С в а р (6, с. 28) и которое, безусловно, родственно, как уже говорилось выше, с этнонимом су а з ~ су в а з.

Дело в том, что здесь сочетание [ъв] вполне может быть объяснено как результат более позднего фонетического развития какого-то первоначального элемента, происшедшего за тот период, который отделяет язык эпохи племени су а з о в ~ су в а з о в (самое позднее упоминание об этом племени и одноименном городе в письменных источниках относится к XII в. и принадлежит марокканскому географу ал-Идриси, см. (6, с. 24 сл.) от современного чувашского языка, причем как бы далеко назад мы ни отодвигали границы понятия «современный чувашский язык». Согласно данным исторической фонетики чувашского языка, совершенно ясно, что в современном названии С [ъ] в а р (следовательно, и в названии племени) гласный [ъ] — неизначальный звук. По мнению Б. А. Серебренникова, звуки [ъ], [ь] (в современной орфогр. ä, è) в чувашском языке появились в VII—VIII вв. (8, с. 80 сл.). Если учесть, что в указанном названии города [ъ] выступает в сочетании с губным согласным [в], с полной уверенностью можно реконструировать на месте [ъв] губной гласный (в современном чувашском языке сочетания [ъв], [ьв] в середине слова перед гласным, судя по данным других родственных и неродственных языков и письменных источников, непременно представляют собой или результат ре-

дукции и делабиализации гласного перед согласным [ʁ] с одновременным переходом этого согласного в губной согласный [в], или результат редукции и делабиализации губных гласных с одновременной компенсирующей вставкой губного согласного [в]; ср. чув. [с'ъ в а́ р] »рот« ~ азерб. агыз, алт. оос, казах. ауыз, тат. авыз, шор. аас, др.-тюрк. а;а/а;из; чув. т[ъ в]ар »соль« ~ башк. тоз, тат. тоз, тур. tuz, турк. дуз, якут. туус, др.-тюрк. tuz; чув. [тъ в а́ т :ъ] »четыре« ~ алт. төрт, азерб. дөрт, башк., тат. дурт, турк. дөрт, якут. туört, др.-тюрк. төрт; чув. ту/тъ в »гора« < *та

др.-тюрк., хак. та, азерб. да, кирг. тоо, ног. тав, башк., тат. тау, ср. чув. [тъ в а́ л :á] »в гору« из ту + алла и др., в связи с этим также ср.: город Сувар татары называют Суар, а чувашши — С[ъ]вар; волжских болгар, потом чувашей марийцы называли суасла мари.

Следовательно, речь может идти только о следующем. Во-первых, какова была огласовка первого слога рассматриваемого этнонима, а также названия города Сувар в X—XII вв.: произошла ли в них делабиализация губного гласного ко времени фиксации их восточными раннесредневековыми авторами, в частности Ибн-Фадланом, или еще не было такого процесса? Во-вторых, произошел ли такой процесс ко времени заимствования этнонима русским языком (XV—XVI вв.)?

На первый вопрос из-за указанного обстоятельства пока мы не можем дать удовлетворительного ответа. Что касается второго, то здесь нам может помочь язык болгарских эпитафий.

На основе данных языка болгарских эпитафий XIII—XIV вв., по общему признанию ученых, весьма близкого чувашскому языку, если их проецировать на древнечувашский, можно утверждать, что такой процесс к XV—XVI вв. уже произошел.* Дело в том, что в эпитафиях встречается написание которое правомернее читать в виде

[тъ в а́ тъ м] (с сочетанием [ъ в]) ~ сорв. чув. [тъ в а́ т :ъ м'ъ ш'] »четвертый«, а не [ту а́ тъ м] (9, с. 29) по следующим соображениям.

Во-первых, последнее противоречит классическим правилам арабского письма (буква, без вспомогательного знака не должна быть обозначением гласного звука, а то, что болгарские авторы знали это правило, видно из написаний других слов, в которых закономерно использованы вспомогательные знаки**). Во-вторых, чтение [ту а́ тъ м]

* Если иметь в виду хронологическую разницу в два-три века между рукописью Ибн-Фадлана и болгарскими эпитафиями, как будто бы можно усомниться в таком утверждении, но, как мы отмечали, племя суаз ~ суваз упоминается позднее (вXII в.) другим восточным автором.

** Относительно написания у Ибн-Фадлана (X в.) А. П. Ковалевский пишет, что „это арабское начертание могло бы передавать и Форму суар без средней согласной. Правда, это противоречило бы правилам классической арабской грамматики, так как в таком случае над алифом должен был стоять знак „мадда“... Однако и независимо от постановки этого знака, чтение суар у Ибн-Фадлана все же возможно. Ведь здесь речь идет о передаче иноземного имени, которое в правила арабской графики не укладывается“. См. (6, с. 27).

(с губным гласным без согласного [в]) фонетически трудно возвести к его этимологическому источнику *тöрт «четыре» (ср. др.-тюрк. тöрт), ибо в персоголасовке слова с помощью заднеязычных гласных важную, если не решающую, роль сыграл согласный [в], своим полумягким произношением вызвав переход соседнего переднеязычного гласного в заднеязычный, т. е. *тöрт > *туöрт > *тъв ä [р] т > [чу в ä т :ъ] аналогична судьба чув. [къ в ä к] «синий» из *къ в ä к < *ку ä к < *кö к, ср. др.-тюрк. кö к, венг. кé к «синий» X заимств. из булг. в V—VII вв., ср. (10, с. 39). Иначе говоря, если бесспорен чувашский облик этого болгарского числительного, т. е. если оно ненебного качества, то обязательно чтение с согласным [в].

В-третьих, правомерность чтения [тъ в ä тъ м], а не [ту ä тъ м] подтверждается болгарскими формами с бесспорно редуцированным гласным [ъ] на месте этимологического губного гласного; например,

[тъ х (ъ) р] ~ чув. [тъ х :ъ р] «девять» (<*то кур; др.-тюрк. то ку з). Для XIII—XIV вв. (эпохи болгарских эпитафий), когда в древне-чувашском языке шел процесс лабиализации древнего первого [а] (<о, у), вряд ли правомерно реконструировать такое состояние, при котором гласные первого слога, в одинаковой мере являющиеся исконно губными, одни уже подчинились процессу редукции и делабиализации, другие еще нет, тем более что здесь речь идет об огласовке слов, входящих в одну лексическую микросистему. Иначе говоря, трудно представить, чтобы в одно и то же время древние болгары произносили [ту ä тъ м] «четвертый» и [тъ х (ъ) р] «девять».

Таким образом, приведенные аргументы подтверждают, что рассматриваемый этноним к моменту проникновения в русский язык, бесспорно, произносился с сочетанием [ъв].* А. П. Ковалевский даже применительно к болгарскому языку X в. пишет, что «установившееся в нашей научной литературе чтение су в а р... отнюдь не обязательно» (6, с. 27). И тем более нет никаких сомнений в том, что к моменту заимствования русским языком (XV—XVI вв.) переход у >ъ в в этом слове давно уже завершился (9, с. 164).

Однако возникает закономерный вопрос: не противоречит ли реконструкция в виде съ в а з / съ в ä м > [чъ в ä ш] русской форме чу в а ш, которая, как мы уже отмечали, в письменных источниках появляется в начале XVI в., но в устном употреблении, конечно, выступала значительно раньше (М. Д. Димитриев пишет: «Еще в XIV в. восточ-

* Почему, как и когда алаутный [с—] и конечный (ауслатный) [—з] в чувашском языке перешли, соответственно, в [ч—] и [—ш] (чъ в а ш) — вопрос особый. Мы его не будем касаться, поскольку это не входит пока в нашу задачу' можем только отослать к объяснениям В. Г. Егорова в его докторской диссертации «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» (1951) или к указанной выше работе М. Р. Федотова (4). Однако ясно одно: к моменту заимствования русским языком в XV—XVI вв. это слово и в отношении согласных звучало на нынешний лад.

ные пределы русских земель вступили в соприкосновение с Чувашией» — (3, с. 106). Как объяснить сочетание [ув] в этой форме? Может быть, это сочетание было в самом оригинале, т. е. в древнечувашской форме? Заметим еще раз, что речь идет о начале XVI в.

Думается, что дело только в рефлексе специфически чувашской фонемы в русском языке. Как известно, в древнерусском (восточнославянском) языке когда-то были так называемые редуцированные гласные [ѣ], [ь], которые представляли собой особые фонемы и по фонетической природе, можно полагать, были однотипны с чувашскими фонемами <ъ>, <ь>, но к моменту заимствования слова чуваш они уже были утрачены. Историки русского языка полагают, что к концу XIII в. они исчезли во всех диалектах древнерусского (восточнославянского) языка (11, с. 77 сл.). Правда, к моменту заимствования этнонима чуваш на юге великорусской языковой территории уже существовало явление редукции безударных гласных, результатом которого является акашь с его специфически безударными (редуцированными) гласными типа [ʌ], [ѣ], [ь]. Значит, при заимствовании этнонима [ч ъ в а ш] для замены чувашской фонемы <ъ> русский (великорусский) язык из собственного наличного инвентаря фонем и аллофонов должен был выбрать наиболее подходящий и в фонетическом, и в функциональном отношении субститут.

Хотя подлинные причины той или иной субституции часто бывает весьма трудно объяснить, в данном случае, кажется, просматривается вполне определенная фонетико-фонологическая закономерность, которая, кстати, проявляется и в более поздних чувашских заимствованиях в русском языке.

В той системе гласных, которая существовала в великорусском языке к XV в., для замены чувашской фонемы <ъ> русской гласный [у]/ губной, верхнего подъема, заднего ряда) в чисто фонетическом смысле, конечно, не мог быть самым подходящим звуком, при этом если даже допустить, что чувашский [ѣ] в тот период тоже имел некоторый губной оттенок. Во всяком случае, экспериментальный анализ гласных современного русского и современного чувашского языков не дает оснований рассматривать чувашский [ѣ] и русский [у] как близкие по качеству звуки (см. таблицу).

Спектральные характеристики чувашских и русских гласных*

Гласные	F ₁ (в Гц)		F ₂ (в Гц)		F ₁ + F ₂ (в Гц)	
	Чув.	Рус.	Чув.	Рус.	Чув.	Рус.
а	675	700	1265	1000	1940	1700
е	375	400	1885	1600	1260	2000
у	350	250	625	600	975	850
ы	350	250	1315	1700	1665	1950
и	330	350	1990	2000	2320	2350
о	425	500	675	850	1100	1350
ъ	500		1055		1555	
ь	380		1740		2120	
у	345		1800		2145	

Но тем не менее в качестве субститута был выбран именно [у]

Причина, по-видимому, заключается в том, что в самоназвании [чъ в а́ ш] гласный [ъ] находился в предупредном слоге в положении после мягкого согласного перед твердым, а в русском языке уже в XV—XVI вв. в этом положении выбор был ограниченным.

Из гласных непереднего ряда ростово-суздальского диалекта* раннего великорусского (русского) языка XV—XVI вв., который, очевидно, и был в контакте с древнечувашским языком, наиболее подходящим по качеству субститутом чувашского [ъ] в этнониме [чъ в а́ ш] мог быть гласный [ы] (см. таблицу), однако из истории развития звуковой системы русского языка известно, что этот гласный в указанный период в ростово-суздальском диалекте не мог стоять в позиции после исконно мягкого [ч], так же как он не мог стоять в этой позиции еще раньше в древнерусском языке, не может стоять и в современном русском языке.

В некоторых более поздних заимствованиях из чувашского гласный [ы] на месте [ъ] после твердого согласного встречается как самый подходящий субститут, ср. чув. [шъ рт т а́ н] „национальное кушанье — рубец, начиненный мясом” > рус. ширтан (14, т. IУ, с. 635),

* Приведенные частотные значения формант отражают основные характеристики гласных — дифференциальные признаки: F₁ является показателем степени подъема, F₂ — степени продвинутости языка по горизонтали, F₁ + F₂ — степени огубленности.

Данные по русским гласным нами взяты из книги М. И. Матусевич (12, с. 90 сл). В этой работе частотные характеристики гласных мы взяли только первую (между твердыми согласными) и четвертую (между мягкими согласными) позиции, ибо только они соответствуют сингармонически обособленным позициям чувашских гласных непереднего и переднего ряда в слове. Следует заметить, что в литературе существуют и несколько иные акустические описания русских гласных (13).

* Исследователи исторической диалектологии считают, что ростовосудальский диалект является родоначальником владимирско-поволжской группы современных средневеликорусских говоров (II, с. 152).

при этом написание буквы «и» у. В. И. Даля отнюдь не отражает произношения; как и в современном русском письме, это только орфографический прием для передачи произношения [ы] после непарных твердых согласных.

Из остальных непарных гласных по качеству к чувашскому редуцированному [ъ] ближе всех мог быть [о], однако этот гласный, так же как и гласный [а], по-видимому, в том говоре, который в ХУ—ХУІ вв. в контактировании с древнечувашским языком представлял ростово-суздальский диалект, в первом предударном слоге после мягких согласных не выступал. Кстати сказать, гласный [о] в этой позиции в силу слогового сингармонизма не мог выступать еще в древнерусском языке Х—ХІ вв., лишь позднее, уже в эпоху великорусского языка, в связи как в украинском языке, появляется безударное [о] формах типа н' о с у, в' о с н а, ч о м у и т. д.

Однако, как уже отмечали, в нашем случае говор, контактировавший с древнечувашским языком, можно полагать, не имел такого безударного [о] (даже в современном русском языке имеются говоры, не знавшие перехода [е] в [о]; 15, с. 31). Очевидно, этот говор для предударной позиции после мягкого согласного перед твердым обладал вокализмом, состоявшим только из трех гласных: е — и — у. Во всяком случае, существование таких говоров в составе современного северовеликорусского наречия отмечается диалектологами. В этих говорах произносится: п е т á к, н е с ú, р е к á, л и с т ó к, к л ю к á (16, с. 45). Вот почему из самоназвания [ч ь в á ш] на русской почве могло получиться только ч у в а ш, а не что-либо иное.

В принципе можно предположить и другое, т. е. допустить, что древнечувашский язык в ХУ—ХУІ вв. (в эпоху заимствования русским языком этнонима ч у в а ш) контактировал не с окающим говором, а с одним из акающих. Это мог быть акающим говор формирующейся в то время среднерусской группы, в котором предударный вокализм в позиции после мягкого согласного перед твердым не различал гласные нижнего и среднего подъема, имея только один гласный: [и] или [е], как это наблюдается в современных икающих или екающих южновеликорусских и средневеликорусских говорах: п и т á к, н и с ú, р и к á, л и с ó к; п е т á к, н е с ú, р е к á, л е с ó к, (что касается [о], то ясно, что в акающих говорах он никогда не выступал в безударном положении, южновеликорусской, и о наслоении). Естественно, и в этом случае субститутом чувашского [ъ] мог быть только губной гласный верхнего подъема [у].

К. В. Горшкова пишет: «...акающие восточные среднерусские говоры сложились на базе южновеликорусского акающего диалекта, его разанской группы, и восприняли северновеликорусские черты, в том числе и [г], уже под влиянием московского говора, т. е. здесь можно уже говорить об основе 153.) Диалектологические карты современного русского языка показывают, что иканье и еканье в составе восточной группы (отдел В среднерусских говоров по зоне распространения весьма близко подходят к границам Чувашской АССР, т. е. к границам основной чувашезычной терри-

тории (с юго-запада по линии реки Суры и с юга; 17, карта №3). При чем небезынтересно отметить, что эти типы предударного вокализма также компактно локализованы в отделе А восточной группы среднерусских говоров, точнее в восточной части территории Подмосковья. Это обстоятельство подтверждает правомерность предположения о заимствовании этнонима [чъ в а ш] одним из икающих или екающих среднерусских говоров и переогласовке его на собственный лад — ч у в а ш. Московский и подмосковные говоры с их предударным аканьем, екньем и иканьем в связи с движением московского войска на восток против татар и в связи с возвышением Москвы как политического, административного и культурного центра формирующегося централизованного Московского государства и великорусской народности могли подхватить и распространить его на всю русскую языковую территорию.

В это предположение некоторую неуверенность может внести только отсутствие в науке четкой хронологизации московского аканья. »На территории современных средневеликорусских говоров аканье проникает с XIV—XV вв., когда начинается объединение русских земель вокруг Москвы, т' е' с эпохи Ивана Калиты. Именно тогда возникают средневеликорусские говоры« (18, с. 219). Однако несколько иначе обстоит дело с укреплением аканья в Москве. Р. И. Аванесов по этому поводу пишет: »В городе господствующих классов и вообще культурных кругов Москвы северновеликорусское начало господствовало не только в XIV и XV вв., но и значительно позднее: у нас нет никаких указаний на то, чтобы эти круги акали и в эпоху Ивана Грозного« (19, с. 154). Менее категорично пишет К. В. Горшкова: »Еще в московских текстах XIV—XV вв. мы не находим отражения аканья, а к середине XVII в. аканье, несомненно, было определяющей чертой московского вокализма« (II, с. 153).

Однако, как бы ни обстояло дело с хронологизацией аканья непосредственно в Москве, из приведенных высказываний специалистов совершенно ясно, что на территории вокруг Москвы (на юго-восточной окраине Подмосковья) аканье, еканье, иканье могли иметь место еще в XV в.

Таким образом, с достаточной степенью вероятности можно утверждать, что заимствованный в XV—XVI вв. из чувашского языка этноним ч у в а ш восходит непосредственно к чувашской форме [чъ в а ш], в которой на почве одного из говоров великорусского (русского) языка с ограниченным предударным вокализмом произошла переогласовка первого слога в виде субституции ь → у.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения Трубачева О. Н. I—IV. — М.: Прогресс, 1964—1973.
2. J. Wichmann Die tsehuwasshschen Lehnwörter in den permisehen Sprachen. — Memoires de la Société inno-ougzienne. — Helsingfors, 1903, n 21.
3. Димитриев В. Д. О значении этнонима „черемисы“ в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков. — Ученые записки Чув. НИИ, вып. 27. — Чебоксары: 1964.
4. Федотов М. Р. О марийском этнониме суvas ~ суас. — Советское финно-угроведение, 1974, №2.
5. Ашмарин Н. И. Болгары и чувашаи. — В кн.: Известия общества археологии этнографии, т. XVШ, вып. 1—3. — Казань, 1902.
6. Ковалевский А. П. Чувашаи и булгараи по данным Ахмеда Ибнфадлана. — Чебоксары, 1954.
7. Егоров В. Г. Этногенез чувашей по данным языка. — Советская этнография, 1950, №3.
8. Серебренников Б. А. К истории звуков чувашского языка. — Ученые записки Чув. НИИ, вып. XIV. — Чебоксары, 1956.
9. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. — Чебоксары, 1971.
10. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. — М.: Наука, 1976.
11. Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. Пособие для студентов. — М.: Просвещение, 1972.
12. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. — М.: Просвещение, 1976.
13. Фант Г. Акустическая теория речесобразования. М.: Наука, 1964.
14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2—е. — М., 1880—1882 (1955).
15. Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка. — Вопросы языкознания, 1952, №6.
16. Русская диалектология. Учебное пособие. Под ред. Кузнецова П. С. — М.: Просвещение, 1973.
17. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. — М.: Изд-во АН СССР, 1957.
18. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. — М.: Просвещение 1964.
19. Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка. — Вопросы языкознания, 1953, №2.